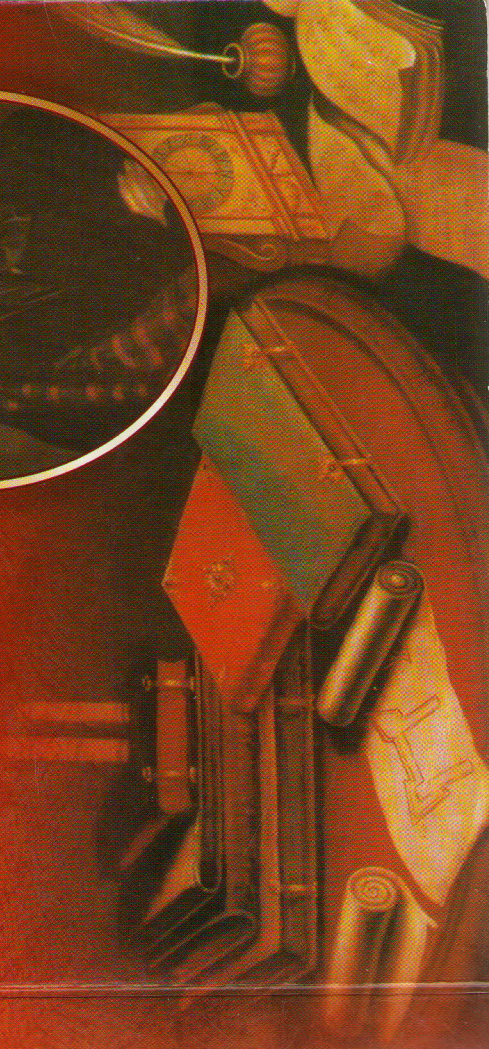

Пушкин

и мировая культура

В двух частях

Часть I

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования

«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

Белорусское общественное объединение «Русь»

Пушкин И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Материалы III Международной
научной конференции

г. Минск, 21–22 апреля 2009 г.

В двух частях

Часть 1

Минск

РИВШ

2009

УДК 008(061.3)
ББК 71.4
П91

Рекомендовано
кафедрой русской и зарубежной литературы
Белорусского государственного педагогического
университета имени Максима Танка
(протокол № 7 от 28 мая 2009 г.)

Редакционная:

В. Д. Стариченко, Т. Е. Комаровская, О. Р. Хомякова,
Т. С. Куданова, Е. П. Жиганова, Т. В. Данилович,
О. И. Кохно, Т. М. Логвин

Пушкин и мировая культура : материалы III Междуна-
рус. науч. конф., г. Минск, 21-22 апр. 2009 г. В 2 ч. Ч. 1 / Бело-
рус. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: В. Д. Стариченко
[и др.]. – Минск : РИВШ, 2009. – 200 с.
ISBN 978-985-500-289-6.

Сборник создан по итогам III Международной научной конференции
«Пушкин и мировая культура», прошедшей в Белорусском государствен-
ном педагогическом университете имени Максима Танка 21-22 апреля
2009 г. Пушкинское наследие рассматривается в контексте русской, бело-
русской и мировой литературы.
Адресуется литературоведам, культурологам, учителям-словесникам,
всем любителям творчества А. С. Пушкина.

УДК 008(061.3)
ББК 71.4

ISBN 978-985-500-288-9
ISBN 978-985-500-289-6 (ч. 1) © Оформление. ГУО «Республиканский
институт высшей школы», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

21-22 апреля 2009 г. в Белорусском государственном педа-
гогическом университете имени Максима Танка (г. Минск) со-
стоялась III Международная научная конференция «Пушкин
и мировая культура», в которой приняли участие ученые, учите-
ля городских и сельских школ, аспиранты, студенты. В сборнике
содержится 61 доклад участников из Беларуси, России, Украины
и Литвы.

Сообщения участников конференции были представлены в
секциях «Актуальные вопросы поэтики и проблематики творче-
ства А. С. Пушкина», «Пушкин и мировая литература», «Культу-
рологический, религиозный и эстетический аспекты изучения
произведений А. С. Пушкина».

Благодарим всех, кто принял участие в работе конференции и
предоставил доклады для публикации.

Выражаем признательность Посольству Российской Федера-
ции в Республике Беларусь и лично советнику А. С. Ломакину за
содействие в организации конференции.

Оргкомитет

Список литературы

1. Грехнев, В. А. Болдинская лирика А. С. Пушкина (1830 год) / В. А. Грехнев. — 2-е изд. — Горький, 1980.
2. Измайлов, Н. В. Очерки творчества Пушкина / Н. В. Измайлов. — Л., 1976.
3. Попов, С. С. Забытый романс А. Есаулова на текст Пушкина (к новой публикации романа «Прощание») / С. С. Попов // Советская музыка. — 1937. — № 5.
4. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. / А. С. Пушкин. — М., 1995. — Т. 3, кн. 1.
5. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. / А. С. Пушкин. — М., 1997. — Т. 3, кн. 2.

Л. Ю. Большухин
(г. Нижний Новгород, Россия)

СИТУАЦИЯ «ЯВЛЕНИЯ» В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Уже современники Пушкина осознавали его уникальную способность воспринимать любую из сторон бытия (будь то исторический катаклизм или тончайшее движение человеческой души) во всей полноте, сложности и противоречивости, постигать мир вне категории должностного, не налагая априорных представлений на действительность, но руководствуясь ее собственными законами. Безграничное доверие к миру, когда в сфере биографии, кажется, нет места напряженному преодолению обстоятельств («Ему как бы всю жизнь "везет"» [5, с. 389]), а в творчестве — чувству «сопротивления материала», — все это породило миф о пушкинской «легкости».

Очевидно, что узловым исследовательской проблемой остается закономерность сопряжения Пушкиным разнородного материала в единое гармоническое целое — закономерность, которая реализуется на всех уровнях творчества, начиная с мировоззренческих установок и заканчивая решением стилистических проблем. Важнейшим элементом пушкинской творческой философии оказывается Случай. В блестящей статье В. А. Грехнева этот феномен понимается как доброжелательное вмешательство высших сил, нарушающих незыблемую рационалистическую картину мира с ее причинно-следственными отношениями: «Пушкинский парадокс объявляет вызов неумолимому господству необходимого, а границы случайного в нем раздвинуты необходимо широко. Мало того, именно в случайном-то и проступает

движение высшей воли, как замаскированное кажущейся незыблемостью необходимого. Провидение, по Пушкину, словно бы изредка напоминает о себе тайной игрой Случая. <...> Случай у Пушкина, если можно так выразиться, благоустроен, тогда он торжествует над всеми ухищрениями самочинной человеческой воли, жаждающей обойтись без всякого вмешательства провидения» [2, с. 43].

Инвариантом Случая в художественном мире Пушкина можно считать ситуацию Явления — тот момент, когда герою «свыше» открывается новое знание о мире, когда преодолевается чувство бытийного тупика. Проблема контакта человека с высшими силами определяет нерв пушкинской лирики 20-х гг. XIX в. Тема эта, будучи унаследована от библейской традиции в литературе предшествующих эпох, обретает иные черты в романтизме: сама ситуация сакрального Явления наделяется индивидуальным смыслом и большим разнообразием конкретных воплощений. Отсюда смысловой диапазон, заданный «парными» стихотворениями середины 20-х гг.: «Я помню чудное мгновенье...» и «Пророк». Олицетворение высших сил — это и «шестьскрылый серафим», и Муза, и «гений чистой красоты» («видение красоты, в мире сущей, но как бы Гостьи мира» [3, с. 252]). Чудесная встреча возможна в реальном времени и пространстве, во сне; момент Явления может ничем не мотивироваться, кроме готовности души к приятию новых впечатлений.

Ситуация Явления в сюжетной структуре «Евгения Онегина» должна быть осмыслена в связи с теми важнейшими для Пушкина проблемами, которые занимали его творческое сознание на протяжении всего десятилетия работы над романом. Именно здесь объективированы лирические ситуации Явления, что обуславливает (наряду с другими причинами и факторами, о чем многократно писали) особое место «Евгения Онегина» в творчестве Пушкина. Роман позволял создать некую дистанцию между пушкинской позицией, выраженной в лирике, осуществленной в биографическом контексте, и видением, доступным героям. «Евгений Онегин» дал автору возможность посмотреть на свою жизнь с высшей точки зрения, суммировать опыт в некой «свершенности».

В романе слово явление охватывает события разного уровня: от сакрального до бытового (внезапное появление), причем последнее не растворяется полностью сакральный смысл, не смыывает-

ся его авторской иронией, а «брезжит» сквозь конкретную ситуацию. Наиболее показателен в этом отношении эпизод Явления Онегина Татьяне.

А. В. Кулагин подчеркивает, что пропуск эпизода первой встречи героев в авторском рассказе «сохраняет и усиливает ее <встречи> огромный поэтический потенциал» [4, с. 61]. Добавим, что «нейтральность» ситуации преодолевается и благодаря двойному преломлению события. Для Татьяны это именно Явление, распознавание акта высшей воли: «Ты в сновиденьях мне являлся... // Ты чуть вошел, я вмиг узнала, // Вся обомлела, запылала // И в мыслях молвила: вот он!» Восприятие Татьяны композиционно соотносится с реакцией соседей: «Меж тем Онегина явление // У Ларинных произвело // На всех большое впечатление // И всех соседей развлекло...». В одном сюжетном узле сталкиваются оба толкования явления, и «перевод» прозрения Татьяны на язык житейских отношений (Онегин – жених) не препятствует осуществлению провиденциального смысла встречи (Онегин – идеальный суженый).

Соответственно, онегинская «проповедь» благоразумия при свидании в саду, его же искушающее «кокетство» в эпизоде именин, опровержение наивных представлений Татьяны о «герое романа» благодаря чтению книг, «в которых отразился век // И современный человек // Изображен довольно верно», – ничто не отменяет следствий Явления. Татьяне представлен шанс разочароваться, и точкой поворота становится вопрос: «Уж не пародия ли он?» Но вопрос не превращается в ответ, поскольку в эпизоде посещения дома Онегина происходит не только (и не столько) знакомство с кругом чтения героя, сколько встреча с его «душой»: «Везде Онегина душа // Себя невольно выражает...». Недаром общее впечатление Татьяны отливается в торжественную формулу: «И ей открылся мир иной». Бытовое словоупотребление («Анисья тотчас к ней явилась») здесь также просвечивает иными смыслами, едва ли не сказочными, предвещающими открытие «мира иного»: «И дверь пред ними *отворилась*». Усиление сверхжитейского значения происходит благодаря словесному повтору: «Уж утром рано вновь явилась // Она в оставленную сень»; всего лишь «пришла» – но ради откровения. Расширение горизонтов непредсказуемо и невыводимо буквально из чтения и наблюдений над конкретными пометами на полях чужих книг.

Для Онегина ситуация Явления крайне ограничена, что согласуется с его установкой на рационалистическое миропознание и мирообъяснение. Коллизия отношений с Ленским разрешается явлением, которое сродни преследованию («...Где окровавленная тень // Ему явилась каждый день»). Вхождение Татьяны в его жизнь понимается героем как случайность («Случайно вас когда-то встреча...»). В реальности Онегин Татьяну «не узнает»: сначала это неузнавание – игровой момент («Скажи: которая Татьяна?»), затем – искреннее непостижение («Ужель та самая Татьяна...»).

Событие встречи становится явлением лишь во сне – но во сне героини, что в высшей степени необычно (ведь сон принципиально монотематичен): «Онегин за столом сидит // И в дверь украдкой глядит. // ...дверь толкнул Евгений // И взорам адских привидений явилась дева... // Мое! – сказал Евгений грозно». Оказывается важной не встреча как таковая, а ее параллель в ином пространстве. По мере движения сюжета становится возможной идеальная встреча героев, отнесенная в прошлое: для Татьяны – это «сумрак липовых аллей... где он являлся ей», для Онегина, который «чуть не сделался поэтом», – видение сельского дома, где «у окна // сидит она... и всё она!».

Итак, на протяжении всего романа именно образ Татьяны структурирует мотив явления – вплоть до авторского отождествления ее с Музой: «И вот она в саду моем // Явилась барышней уездной». Утверждение С. Г. Бочарова об альтернативном (возможном) сюжете пушкинского романа [1, с. 17–42] обретает еще один план: Пушкин развертывает ситуацию как в пространстве жизнеподобном, так и в пространстве духовном. Для духовного пространства характерен алогизм, возможность «скачкообразных» переходов к новому состоянию, откровению, тому высшему видению, которое не согласуется с рациональным опытом.

Ситуация Явления как важнейшая в судьбе автора декларируется еще в первой главе: «Прошла любовь, явилась муза, // И прояснился темный ум». Само противопоставление любви и музыки может трактоваться не только в аспекте психологии творчества, но и в качестве антитезы двух состояний – земного и сакрального. Сравним эту коллизию с «постоянством» и «единством» сознания Ленского: «Ни музам данные часы, // Ни чужеземные красоты, // Ни шум веселий, ни науки // Души не изменили в нем, // Согретой девственным огнем». Двойник автора в романе (с точки зрения творческих способностей) оказывается в иной си-

туации: его творчество протекает совершенно по другим законам, и «невежество сердца» («Он сердцем милый был невежда») по своему компенсировано.

Ближе к финалу романа мотив Явления концентрируется в сфере автора: «Являться муза стала мне...», «И вот она в саду моем // Явилась барышней уездной...», «Промчалось много, много дней // С тех пор, как юная Татьяна // И с ней Онегин в смутном сне // Явились впервые мне...». Совокупность этих ситуаций свидетельствует о некоем особом типе авторского опыта, который осознается в процессе завершения романа.

Список литературы

1. Бочаров, С. Г. О возможном сюжете: «Евгений Онегин» / С. Г. Бочаров // Сюжеты русской литературы / С. Г. Бочаров. – М., 1999.
2. Грехнев, В. А. Пушкин и философия Случая / В. А. Грехнев // Болдинские чтения. – Нижний Новгород, 1993.
3. Иванов, В. Два маяка / В. Иванов // Пушкин в русской философской критике. – М., 1990.
4. Кулагин, А. А. Первая встреча Онегина и Татьяны / А. А. Кулагин // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: к 80-летию Г. В. Краснова. – Коломна, 2001.
5. Лотман, Ю. М. Пушкин / Ю. М. Лотман. – СПб., 1995.

А. С. Смирнов
(г. Гродно, Беларусь)

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ ОНЕГИНУ В КОНТЕКСТЕ ЭПИСТОЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЫ ПУШКИНСКОГО ВРЕМЕНИ

В письме Татьяны к Онегину примечательны колебания героини в выборе форм обращения к адресату. Вначале фигурирует «пустое вы» («Я к вам пишу...»; курсив в цитатах здесь и далее наш. – А. С.), которое по ходу письма заменяется «сердечным ты» («То воля неба: я твоя...»), в конце послания изначальная форма обращения возвращается («Но мне порукой ваша честь...»). И если первое изменение еще можно было бы объяснить с точки зрения психологии любовным порывом Татьяны, в одностороннем порядке ликвидирующей дистанцию между собой и предметом страсти, то совершенно нелогичным в таком случае выглядит обратный процесс.

Попытки обращения к данному факту и какой-либо его интерпретации достаточно редки в литературоведении. Ю. М. Лотман в комментариях к пушкинскому роману обращает внимание на переход Татьяны от «вы» к «ты», никак, однако, его не поясняя, и не отмечает возвращения к изначальному варианту [1, с. 625].

Цитируемый Ю. М. Лотманом В. В. Набоков более подробен: «Татьяна переходит с официального обращения во втором лице множественного числа на второе лицо единственного – хорошо известный прием по французским эпистолярным романам того времени. Так, в своей третьей короткой записке к Сен-Пре Юлия начинает *tuouter* (обращаться на «ты»), путая «ты» с «вы». В письме Татьяны первоначальное «вы» возникает вновь лишь в самом конце» [2, с. 330]. (До Набокова также к посланиям героини романа Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» возводил письмо Татьяны, опираясь на мнение В. В. Сиповского, один из первых комментаторов пушкинского романа Н. Л. Бродский, игнорировавший варьирование форм обращения к адресату [3, с. 110].)

Очевидно, что подобное определение генезиса послания Татьяны справедливо лишь отчасти и нуждается в существенной корректировке, так как, по сути, объясняет чередование форм обращения к Онегину все теми же любовными переживаниями, подчиняющимися литературному образцу. К тому же метафоры форм обращения в упомянутой Набоковым третьей записке от Юлии не столь изопренны (переход совершается неоднократно, хотя и в несколько неожиданном направлении от «ты» к «вы»: «Безумец! Если тебе дорога моя жизнь, страшись посягать на свою. За мной неотступно следят, я не могу ни говорить с *вами*, ни писать *вам* до завтра. *Ждите*»), а в следующей, четвертой, записке торжествует все та же логика развития отношений, поскольку никаких колебаний в выборе форм обращения здесь нет и употребляется только предсказуемое «ты».

Между тем это не единственные странности в письме пушкинской героини. И если ее отдельные высказывания (например «Не правда ль? я тебя слыхала: // Ты говорил со мной в тиши, // Когда я бедным помогала...»), явно не соответствующие действительным отношениям между героями, можно объяснить любовной экзальтацией Татьяны, то на принципиальной фантастичности других ее утверждений автор настаивает хотя и косвенно, но весьма определенно. Любопытно, например, сравнить две характеристики зарождения любви Татьяны, принадлежащих автору

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЭТИКИ И ПРОБЛЕМАТИКИ ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА.....	4
Г. Ю. Карпенко МИФ ОБ А. С. ПУШКИНЕ В ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ.....	4
А. Н. Андреев КОНЦЕПЦИЯ СУДЬБЫ В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН».....	12
Е. В. Алтабаева КАРТИНА МИРА ЖЕЛАНИЙ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА.....	29
В. П. Рагозина ПЕРАКЛПЧКА ГЕНИЮ: ЯНКА КУПАЛА І АЛЯКСАНДР ПУШКІН.....	34
О. Р. Хомякова «И, НАКОНЕЦ, НАШЕЛ // Я МОЕГО ВРАГА»: ОБРАЗ АНТАГОНИСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ А. С. ПУШКИНА.....	42
И. Д. Куликова СЕМАНТИКА ВРЕМЕННЫХ ПЛАНОВ В ЭЛЕГИИ А. С. ПУШКИНА «ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ» (1814).....	50
А. В. Радицова ЧЕРЕДОВАНИЕ МОТИВНЫХ РЯДОВ КАК ПОЭТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА.....	56
С. С. Янишкая СТИХОТВОРЕНИЕ А. С. ПУШКИНА «ПРОЩАНИЕ»: ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ.....	60
Л. Ю. Большухан СИТУАЦИЯ «ЯВЛЕНИЯ» В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН».....	64
А. С. Смирнов ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ ОНЕГИНУ В КОНТЕКСТЕ ЭПИСТОЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЫ ПУШКИНСКОГО ВРЕМЕНИ.....	68
Т. С. Давыдова КОНЦЕПЦИЯ СЛУЖБЫ И СЛУЖЕНИЯ В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН».....	73
О. И. Позднякова КОНЦЕПТ «ДРУЖБА» В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А. С. ПУШКИНА.....	81
А. Ю. Горбачев КОНФЛИКТ В «МАЛЕНЬКОЙ ТРАГЕДИИ» А. С. ПУШКИНА «КАМЕННЫЙ ГОСТЬ».....	88
О. Р. Хомякова «НЕВЕДОМАЯ СИЛА» В РОЛИ АНТАГОНИСТА (на материале произведений А. С. Пушкина).....	93
Т. С. Куцанова РОЛЬ «ДВОЙНОГО» АВТОРСТВА В «ПОВЕСТЯХ БЕЛКИНА» А. С. ПУШКИНА.....	105
Е. П. Колышко «ТАМ РУССКИЙ ДУХ...ТАМ РУСЬЮ ПАХНЕТ!»: ДИАЛОГ СКАЗОК А. С. ПУШКИНА С БИБЛИЕЙ И ИСТОРИЕЙ.....	109
Н. П. Милославич ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА «СКАЗКИ О РЫБАКЕ И РЫБКЕ» А. С. ПУШКИНА.....	114
Т. Г. Трофимович А. С. ПУШКИН И ЯЗЫКОЗНАНИЕ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ: К НАБЛЮДЕНИЯМ НАД МЕРЦАНИЕМ СМЫСЛОВ.....	118
Н. Л. Васильев ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО А. С. ПУШКИНА И А. А. ДЕЛВИГА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПИСАТЕЛЬСКИХ ЛЕКСИКОНОВ.....	126

Т. Г. Симонова МЕМУАРНЫЕ СТИЛИЗАЦИИ В ПРОЗЕ А. С. ПУШКИНА.....	130
Л. А. Бессонова СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. С. ПУШКИНА.....	135
А. С. ПУШКИН И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	139
Т. М. Тарасова ПУШКИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ У БЕЛАРУСКОЙ ПРОЗЫ.....	139
В. І. Козіч А. С. ПУШКІН І СУЧАСНАЯ БЕЛАРУСКАЯ ПРОЗА: ПРАБЛЕМА МАСТАЦКАГА ХАРАКТЭРУ.....	143
Г. Я. Адамовіч «ТРИ ДЕВИЦЫ ПОД ОКНОМ...»: ДА ПЫТАННЯ АБ СТРУКТУРЫ НЕПЛЕЙНАГА СЮЖЭТА.....	148
И. А. Ворон ДА ПЫТАННЯ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ КАНЦЭПЦЫІ ЛІТАРАТУРЫ: А. С. ПУШКІН І Л. УКРАЇНКА (на матэрыяле публіцыстыкі).....	153
Д. Н. Жаткан, Т. А. Яшина К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ А. С. ПУШКИНЫМ ПОЭМЫ ТОМОСА МУРА «ЛАЛА РУК».....	157
А. У. Рагуля ЖАНР МІСТЭРЫІ Ў ТВОРЧАСЦІ А. С. ПУШКІНА.....	161
Т. У. Ігачарова-Цынкевіч ТРАДЫЦЫІ А. С. ПУШКІНА Ў ТВОРЧАСЦІ М. БАГДАНОВІЧА.....	169
А. С. Гурская ПАЗЭІЯ А. С. ПУШКІНА Ў ТВОРЧЫМ ЛЁСЕ АРКАДЗЯ КУЛЯШОВА.....	174
Н. Л. Сержант ШЕКСПИРОВСКИЕ МОТИВЫ В ДРАМЕ А. С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ».....	179
И. Е. Прохорова СУДЬБА ИЗДАНИЯ «БАХЧИСАРАЙСКОГО ФОНТАНА» (1824–1830).....	183

Научное издание

ПУШКИН И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Материалы III Международной научной конференции
г. Минск, 21–22 апреля 2009 г.

В двух частях
Часть 1

Редактор Н. В. Боярова
Компьютерная верстка О. П. Дуль

Подписано в печать 22.06.2009. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Georgia. Ризография.
Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 12,01. Тираж 110 экз. Заказ 64.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы»
ЛИ № 02330/0133359 от 29.06.2004.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.